
Василий Петров
шелк и сажа

Василий Петров
шелк и сажа

https://litres.ru/74753739
SelfPub; 2026

Аннотация

Севилья, XVII век. У Изабель де ла Вега — талант проклятия: она плетет тончайшее кружево, но ее семья погрязла в долгах. Единственный выход — выйти замуж за племянника жестокого ростовщика, пахнущего чесноком и могилой.

Рафаэль де Кордоба — благородный дон без гроша, офицер, задолжавший половину города и скрывающийся от кредиторов. Когда он буквально падает в жизнь Изабель, выпрыгнув из окна таверны, рождается безумный план.

Чтобы спасти мастерскую от Ортеги, а Рафаэля — от его брата-шулера, им нужно за три дня сплести парадную мантию для вице-короля. В тесном, пропахшем клеем подвале аристократ и плебейка будут качать педаль станка, отбиваться от инквизиции и головорезов, а золотая нить сплетет их судьбы воедино. Но что делать, когда за готовым кружевом придет не слава, а костер инквизиции?

Содержание

Акт 1 4
Глава 1 Встреча 4
Глава 2. Пыль в глаза и запах могилы 15
Глава 3. Инструктаж по дворянству 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Василий Петров
шелк и сажа

Акт 1

Глава 1 Встреча

Солнце в Севилье не грело — оно жарило, словно огромная сковородка, на которой подрумянивались мостовые. Изабель де ла Вега чувствовала, как по спине между лопатками ползет предательская капля пота, грозясь испортить лучшую льняную сорочку. Но сорочка была полбеды. В руках, прижатая к груди как младенец, покоилась корзина, накрытая льняным полотенцем. Под полотенцем лежало не просто кружево. Там лежала надежда на то, что в следующем месяце семья не будет варить пустую похлебку.

Воздух дрожал и плавился, пахнущий раскаленным камнем, сладкой гнилью перезрелых апельсинов и нечистотами, которые ленивые служанки выплескивали прямо из окон вторых этажей. Изабель старалась дышать мелко, исключительно ртом, но тяжелый дух оливкового масла и жареной

рыбы из таверны «Толстый каплун» всё равно забивал ноздри, вызывая легкое головокружение.

— Левее, Хуана! — прошипела Изабель, балансируя на скользких от раздавленных фруктов камнях. — Ты сейчас наступишь на ту курицу!

— Сама ты курица, Белла! — пропыхтела подруга, пытаясь удержать равновесие. — Я вообще смотрю под ноги! Ой, поросенок!

Хуана, дородная дочь пекаря, чья талия давно перестала быть видна за передником, совершила изящный пируэт, достойный королевского балета, если бы королевский балет исполнялся в деревянных башмаках. Она споткнулась о визжащего поросенка, которого гнал по улице малолетний свинопас. Хуана взмахнула руками, пытаясь схватиться за воздух, и всей своей немалой массой полетела прямо на Изабель.

— Только не в кружево! — взвизгнула Изабель, выставляя корзину вперед, как щит.

Удар. Корзина хрустнула. Изабель, потеряв опору, сделала шаг назад, поскользнулась на арбузной корке и начала заваливаться в огромную дубовую бочку с дождевой водой, стоявшую у стены сапожной мастерской. Пахнуло прелой листвой и застоявшейся болотной жижей.

В этот момент из окна второго этажа таверны, высадив хлипкую раму, вылетел человек. Он не упал — он выпрыгнул, перекатившись через голову с грацией, от которой у Изабель на секунду перехватило дыхание, несмотря на то, что она летела лицом в тину. Человек вскочил на ноги, отряхнул бархатный камзол цвета бургундского вина и тут же метнулся к бочке, явно собираясь нырнуть за ней.

Он не рассчитал траекторию.

Изабель врезалась в него на полном ходу. Корзина, которую она всё еще пыталась спасти, сработала как таран. Человек крякнул, сделал два шага назад и сел прямо в ту самую бочку, подняв фонтан брызг.

Изабель приземлилась сверху, крепко обхватив его нога-

ми, чтобы не упасть в воду окончательно. Они замерли.

«Святая Дева, только бы корсет не лопнул, — пронеслось в голове у Изабель, пока она пыталась осознать, почему ее колени упираются во что-то твердое и ребристое под мокрым бархатом. — Матерь Божья, это же его ключица. И почему она такая горячая? Он что, горит изнутри? Нет, это просто я горю со стыда. Я сижу на чужом дворянине посреди улицы. Клара была права, я — позор семьи. Если сеньора Мерседес выглянет в окно, меня завтра же отправят в монастырь замаливать грехи, а шпиль монастыря будет виден из Португалии».

Вокруг мгновенно собралась толпа. Свинопас хохотал, держась за живот. Торговка рыбой перестала размахивать своим товаром и открыла рот. Падре Мигель, вышедший из церкви напротив перекреститься на солнце, уронил четки.

— Слезь с меня, женщина, — прохрипел мужчина из-под Изабель. Его голос был бархатным, но сейчас в нем звенела сталь. — Ты весишь как молодой бычок.

— Сначала отдайте деньги за корзину, — огрызнулась

Изабель, пытаясь сохранить остатки достоинства. Ее лицо было в грязи, а по носу стекала зеленая ряска. — И за моральный ущерб. Вы испортили мне весь выход в свет.

— Я испортил тебе выход? — он попытался приподняться, но Изабель от неожиданности вцепилась ему в плечи еще крепче. — Да ты только что прервала мой стратегический отход! На мне долг в сто эскудо перед капитаном Гарсией!

— Мне плевать на ваши долги! — она наконец разжала ноги и попыталась встать, но мокрый бархат оказался скользким. Изабель снова повалилась прямо на него, впечатав локоть куда-то в район его печени. — Моя корзина! Моя работа! Моя жизнь!

«Он пахнет вином, — отстраненно подумала Изабель, утыкаясь носом в его мокрый воротник. — Не дорогим, из погребов архиепископа, а кислым, столовым, которое пьют грузчики. И табаком. И мокрой шерстью. Господи, какой же он тяжелый. И почему у него под мокрым камзолом рубашка суше, чем моя? Он что, заранее готовился падать в лужи?»

Мужчина, которого, как она успела заметить, звали Рафаэль (судя по тому, как на него орали из окна таверны: «Держи

де Кордобу!»), перехватил ее за талию и одним резким движением вышвырнул из бочки на относительно сухой участок мостовой. Сам он выбрался следом, напоминая утопленника, которого пытались отстирать в луже. Камзол потемнел и обвис, перо на шляпе превратилось в жалкую тряпочку.

— Женщина, вы — стихийное бедствие, — процедил он, пытаясь отжать рукав. — Вы хоть знаете, кто перед вами?

— Понятия не имею и знать не хочу! — Изабель бросилась к корзине. Полотенце пропиталось грязной водой. Она сдернула его.

Льняная салфетка, на плетение которой ушло две недели бессонных ночей, превратилась в комок серой слизи, украшенный дохлой мухой.

Изабель села прямо в пыль. Слезы, которые она сдерживала всё утро, пока сестра Клара читала ей нотации, а мать охала над подорожавшей мукой, хлынули из глаз беззвучно и обильно. Пахнуло пылью и ее собственным отчаянием.

— Это было заказано для сеньора Ортеги, — прошептала она, глядя на мертвое кружево. — Он обещал заплатить золотом. Теперь он отдаст меня за долги своему племяннику-мяснику. А у мясника изо рта пахнет чесноком так, что цветы вянут за три шага! Я чувствую этот запах даже сейчас, хотя до его лавки два квартала! Моя жизнь кончена, сеньор. Я умру старой девой, окруженная кошками, которых нечем будет кормить, потому что Ортега заберет даже мою скамеечку для ног!

Рафаэль де Кордоба, наследник угасающего рода, офицер городской стражи, человек, который полчаса назад держал в руках заряженный пистолет, глядя в глаза капитану Гарсии, внезапно почувствовал себя полным идиотом. Он оглянулся на окно таверны, откуда высунулся мясистый кулак хозяина Бенито, потом посмотрел на рыдающую девушку в грязи, на ее подругу, которая пыталась незаметно откусить край от свежеиспеченного хлеба, торчащего из ее корзины, и тяжело вздохнул. От Хуаны тянуло теплой корицей и кислым тестом — запахом сытой, простой жизни, которой у Рафаэля не было уже лет пять.

— Перестань реветь, — буркнул он. — От слез кружево чище не станет. И убери от него эту муху, она портит товар-

ный вид.

— Оно мертво, — глухо ответила Изабель, размазывая грязь по щекам. — Как и моя репутация. Теперь весь квартал будет говорить, что Белла де ла Вега падает на незнакомых дворян прямо из бочек. Сеньора Мерседес уже наверняка строчит письмо в Мадрид.

— Сеньора Мерседес строчит письма в Мадрид, даже когда просто чихает, — Рафаэль присел на корточки рядом с ней. От него пахло вином, дешевым табаком и мокрой собакой. — Послушай меня, кружевница. Я, конечно, тот еще наглец, раз выпрыгнул в окно, но я не настолько плох, чтобы оставить тебя на растерзание мяснику с чесночным перегаром.

— Вы хотите предложить мне денег? — она подняла на него красные глаза. — У вас их нет. Я видела, как вы бежали от Бенито. Вы даже за свой завтрак не заплатили.

— Я хочу предложить тебе сделку, — он понизил голос до заговорщицкого шепота. — У меня есть проблема. У вас с подругой, очевидно, тоже. Мои проблемы связаны с золотом. Ваши — с грязью и репутацией. Кажется, это называется симбиоз.

— Мой симбиоз сейчас сидит в бочке с тиной, — фыркнула Хуана, дожевывая хлеб. — И пахнет как дохлая жаба. Сеньор, если вы хотите предложить моей Белле честный брак, то у вас нет шансов — она у нас старая дева с характером, а у вас нет приданого. Если хотите просто переспать — у вас тоже нет шансов, она бьет больно.

«Господи, дай мне сил, — мысленно взмолилась Изабель, чувствуя, как горят уши. — Или хотя бы лопату, чтобы закопать Хуану прямо здесь, под стеной сапожника. Святая инквизиция, заберите ее, она мешает мне вести переговоры с потенциальным спасителем!»

Рафаэль поперхнулся. Изабель, забыв о слезах, залепила Хуане подзатыльник, от которого голова подруги мотнулась вперед.

— Заткнись, Хуана! — прошипела Изабель. — Сеньор, я не знаю, что вы там задумали, но если это очередная глупость, я утоплю вас в этой бочке окончательно. И суд меня оправдает, потому что это будет самооборона.

— Это не глупость, — Рафаэль встал и протянул ей ру-

ку. — Это политика. И немного фехтования. Идите за мной, сеньорита стихийное бедствие. Только отряхните подол, вы оставляете за собой след из тины и отчаяния, как улитка.

Изабель посмотрела на его руку. Рукав камзола был порван, на запястье виднелась свежая ссадина. Она вздохнула, взяла его за ладонь и поднялась.

«Рука у него твердая, — отметила про себя Изабель, чувствуя мозоли на его пальцах. — Не руки белоручки. И ссадина свежая. Он дрался сегодня. Интересно, кого он убил, прежде чем пойти завтракать? И почему он не пахнет кровью? Кровь должна пахнуть железом, я читала об этом в романах. От него пахнет только мокрой псиной и безысходностью. Какая пошлость. Я падаю в грязь ради кружева, а спасает меня мокрый псарь».

— Только попробуйте меня обмануть, де Кордоба, — сказала она, отряхивая юбку. — И я вплету ваши кишки в следующий узор.

— Договорились, — ухмыльнулся он, обнажая белые зубы. — Но для начала нам нужно вернуть мне шпагу, которую

мой брат проиграл капитану Гарсии. И для этого мне понадобится ваша корзина. Желательно, без дохлой мухи.

Изабель посмотрела на испорченное кружево, потом на наглого дворянина, который в грязи выглядел гораздо органичнее, чем в бархате, и впервые за этот день криво улыбнулась.

— Что ж, сеньор, — она подобрала корзину. — Кажется, сегодня мы идем грабить капитана городской стражи.

Глава 2. Пыль в глаза и запах могилы

Изабель стояла перед массивной дверью из темного дуба, обитой медными полосами, которые давно потускнели от влажного дыхания Севильи. Дом сеньора Ортеги нависал над узкой улочкой, словно сытый хищник, загнавший в угол хромую лань. Воздух здесь был спертым, пахнущим застарелым потом, пылью из перин и сладковатым, удушливым ароматом ладана, который, казалось, въелся в сами камни стен. Изабель поправила на плечах выцветшую шаль, стараясь прикрыть пятно на рукаве — след их утреннего купания в бочке. Рядом, тяжело отдуваясь, переминалась с ноги на ногу Хуана. От подруги тянуло свежей выпечкой, теплым тестом и корицей — запахом простой, честной жизни, которая сейчас казалась Изабель недостижимым раем.

— Дыши, — прошипела Хуана, толкая подругу в поясницу костлявым локтем. — И выпрями спину. Ты сейчас похожа на мокрую курицу, которую вытащили из канавы за ноги. Если Ортега увидит, что у тебя колени дрожат, он решит, что ты больная чахоткой, и отдаст Мануэлю прямо сегодня. А у Мануэля, говорят, пальцы толщиной с мои запястья.

— Я и есть мокрая курица, — огрызнулась Изабель, стараясь унять предательскую дрожь в голосе. — А ты пахнешь

булками. Если Ортега спросит, почему мы такие помятые и грязные, скажи, что на нас напали цыгане с аркебузами.

— Цыгане не нападают на дочерей пекаря, у нас карманы пустые, как моя голова по утрам, — резонно заметила Хуана, откусывая от яблока, которое она прятала за спиной. — Скажем, что спасали котенка из колодца. Белла, у тебя на носу водоросль. И кажется, это не водоросль, а дохлая муха.

— Это деталь образа, — мрачно ответила Изабель, пытаясь стереть грязь рукавом. — Образа скорби.

Дверь открыл не сам Ортега, а его приказчик — тощий мужчина с лицом, похожим на сушеную сливу. Он смерил девушек брезгливым взглядом, задержавшись на подоле Изабель, с которого всё еще капала вода, и молча отступил в сторону. Они вошли в кабинет.

Дом ростовщика встретил их тяжелой прохладой и запахом, который Изабель ненавидела больше чеснока — запахом старых денег, пыльного бархата, мышиного помета и неизбежной, медленной смерти. Сам сеньор Ортега сидел в глубоком кожаном кресле, похожий на огромную жабу, обтянутую выцветшим шелком. Он медленно обмахивался веером из павлиньих перьев, хотя в комнате было прохладно,

как в склепе.

— Сеньорита де ла Вега, — проскрипел он, и его голос был сухим, как осенние листья. — Я слышал, на вашем пути к моему дому возникли... препятствия. Карета опрокинулась? Или вы просто решили постирать мой заказ в сточной канаве, чтобы придать кружеву модный в этом сезоне оттенок сепии?

— На нас напали, сеньор, — выпалила Изабель, вкладывая в голос всю скорбь, на которую была способна. Она сделала шаг вперед, стараясь ступать изящно, но мокрая туфля предательски чавкнула по паркету. — Злые люди. С ножами. Хотели забрать корзину. Мы защищали ваше имущество как свое, не щадя живота.

— Твое лицо говорит о том, что защищала ты его лицом вниз, — Ортега хмыкнул, и его тройной подбородок затрясся, как желе. — Кружево испорчено. Работа не принята. Но я человек милосердный. Я не потребую с тебя деньги за золотую нить, которую ты перевела. Я просто заберу то, что причитается по твоему отцовскому векселю. Срок вышел вчера в полночь.

*«Милосердный, — с холодной яростью подумала Иза-

бель, глядя на толстые, унизанные перстнями пальцы ростовщика. — Он говорит "милосердный", а сам улыбается так, будто уже примеряет на меня ошейник. Пресвятая Дева, пусть его хватит кондрашка. Пусть его парик загорится от свечи. Пусть его любимая мопсиха подавится его же собственным перстнем. Я не хочу замуж за человеком, у которого в бороде застревают крошки от его же собственных ужинов, а изо рта пахнет так, что вино в бокале скисает на расстоянии».*

— Сеньор, прошу, — Изабель сделала еще один шаг, стараясь не морщиться от запаха его одеколона — смеси прогорклого масла и гнилых цветов. — Дайте мне месяц. Всего один месяц. Я возьму любой заказ. Я сплету вам манжеты, скатерть, хоть подвязки для ваших кальсон! Я буду работать ночами!

— Твои кальсоны меня не интересуют, деточка, — Ортега сложил пальцы домиком, и в вырезе его халата показалась поросшая седыми волосами грудь. — Мне нужна хозяйка в доме. Мой племянник Мануэль как раз вошел в возраст. Он мясник, как ты верно заметила. У него крепкие руки, своя лавка на площади и всего три зуба. Но для брака зубы — это излишество. Вы будете прекрасной парой. Ты будешь обеспечена до конца дней.

— Я буду обеспечена запахом тухлого мяса и разделочных топоров до конца дней! — не выдержала Хуана, выступая вперед и упирая руки в бока. — Сеньор, у вас совесть есть? Она кружева плетет тоньше паутины, каждое — как вздох ангела, а вы ее — в мясорубку? Да у нее руки созданы для шелка, а не для того, чтобы переворачивать котлеты!

— Хуана! — дернула ее Изабель за рукав, чувствуя, как горят уши. — Простите ее, сеньор. Она... эмоциональная. С детства.

— Что «Хуана»? — подруга уперла руки в боки еще сильнее, напоминая разгневанную наседку. — Вы, сеньор, на мешок с салом похожи. А Мануэль ваш, говорят, зубы чистит раз в месяц, и то песком! Белла заслуживает герцога! Ну, или хотя бы того мокрого сеньора, что вчера из бочки вылезал. От него, по крайней мере, вином пахло, а не тухлятиной и безнадегой!

В кабинете повисла звенящая тишина. Было слышно, как в углу скребется мышь и как тяжело дышит Хуана, готовая вцепиться в бороду ростовщику. Ортега побагровел так, что его лицо стало почти сливовым. Воздух в комнате стал густым и тяжелым, как расплавленный воск, в котором они все

сейчас увязнут.

— Вон, — тихо, почти ласково сказал он. — И если через неделю деньги не будут на моем столе, я приду к вам домой. С бумагами. И с Мануэлем. И с нотариусом. Мы не будем стучать. Мы просто войдем и заберем то, что принадлежит мне по праву. А принадлежит мне всё.

На улице, под палящим солнцем, которое после кабинета показалось благословением, Хуана шумно выдохнула и швырнула огрызок яблока в сточную канаву.

— Ну что, Белла? — она вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Готова учиться жарить котлеты и считать пальцы на ногах своего будущего мужа? Их там, говорят, осталось не так много.

— Я готова его убить, — Изабель смотрела на свои руки. Они всё еще дрожали. — Рафаэль сказал, что у него проблемы с золотом. Если мы поможем ему вернуть шпагу... Гарсия — капитан стражи. У него должны быть сбережения. Казна. Если мы достанем золото, я откуплюсь от Ортеги. Я заплачу ему столько, что он сможет купить себе новую печень.

— То есть мы пойдем грабить капитана? — Хуана облиз-

нула пальцы и с интересом посмотрела на окна казарм. — Мне нравится эта затея больше, чем котлеты. Это хотя бы звучит как приключение. Но учти, если нас поймают и поведут на площадь, я скажу, что это была твоя идея. Я скажу, что ты меня заставила, угрожая спицами.

— Договорились, — Изабель слабо улыбнулась. — Только спицы я тебе всё-таки не отдам.

Глава 3. Инструктаж по дворянству

Сырой подвал, который Рафаэль снял за последние медные монеты, пах плесенью, сырой землей, мышами и безысходностью. В центре, накрытый ветхим полотном, стоял ткацкий станок. Он выглядел так, будто пережил осаду Гранады, мор и пару мелких землетрясений.

— Он старше моей бабушки, — мрачно констатировала Изабель, проводя пальцем по резному узору и стряхивая вековую пыль. — И скрипит так же. Если я начну на нем работать, он развалится, и мы погребем себя под обломками собственного банкротства.

— Зато он настоящий, — Рафаэль с усилием сбросил полотно. Дерево глухо стукнуло о каменный пол. — И он наш. По крайней мере, до завтрашнего утра, пока хозяин подвала не вспомнит, что я ему не заплатил.

Они сидели на перевернутых деревянных ящиках, которые служили им мебелью. Между ними стояла одна глиняная кружка с мутной водой — Рафаэль благородно отдал ее Изабель, сам делая вид, что не хочет пить.

— План идиотский, — начала Изабель, вытирая выступивший на лбу пот тыльной стороной ладони. — Просто чтобы ты понимал масштаб катастрофы: ты хочешь, чтобы я, приличная девушка из небогатой семьи, которая знает наизусть «Отче наш» и умеет отличать шелк от бязи, изображала из себя последнюю портовую куртизанку? Чтобы я строила глазки капитану Гарсии, пока ты, спотыкаясь о собственные ноги, лезешь к нему в сундук за шпагой?

— Я не лезу в сундук, — оскорбленно выпрямился Рафаэль, и его камзол затрещал по швам. — Я просто... одолжу на время казенную шпагу. Она и так моя по праву крови. Кровь, знаешь ли, не водица, хотя моя сейчас, кажется, состоит из одного кислого вина.

— По праву крови ты сейчас сидишь в подвале с крысами и торгуешься со мной за глоток воды! — Изабель вскочила и начала ходить из угла в угол, ее тяжелые юбки шелестели по соломе, поднимая облачка пыли. — Слушай меня внимательно, дон де Кордоба. Ты дворянин только по документам. По запаху ты — таверна «Толстый каплун» в базарный день. Когда ты нервничаешь, у тебя дергается левая бровь. А когда врешь — ты начинаешь теребить мочку левого уха, как будто оторвать ее совсем. Капитан Гарсия спит со своей алебардой, он заметит дрожь твоей брови за милю и проткнет тебя раньше, чем ты успеешь сказать «во имя Короля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.